Вадим Кортунов

ИГРЫ ОБРЕЧЁННЫХ

Москва 2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К

18+

На обложке: Себастьян Вранкс
«Слепой ведет слепых»

Кортунов В. В.
К Игры обречённых / Вадим Кортунов. – М.:
Издательство «Перо», 2025. – 280 с. : ил.
ISBN 978-5-00

На следующий день после скандального сеанса экстрасенса в Москве резко подскакивает уровень бытовых психозов. На улицах появляются странные люди, считающие себя великими философами прошлого, Эйнштейн оказывается в одной кутузке с Лао Цзы, а Зигмунд Фрейд лечит Ницше от мании величия. В своей повести-фарсе, написанной в жанре философского деконструктивизма, автор приглашает читателя не только насладиться гротеском, но и задуматься о поисках смысла и своего места в современном обществе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00

© Кортунов В. В., 2025

Жизнь каждого человека, если ее обозреть в целом, представляет собой трагедию, а если рассматривать частности, то она комедия...

Когда мы видим тяжелый, страшный сон и наша тоска достигает высшей степени, она сама же доводит нас до пробуждения, с которым исчезают все чудища ночи. То же происходит и в жизненном сне, когда высшая степень тоски заставляет нас прервать его.

Артур Шопенгауэр

Глава I. Материализация

– Входим в транс глубже... Сосредотачиваемся на душах покойных... Помните: информация материальна, путем дифференциальных эманаций она... это самое... трансформирует пространство и время... и... типа... воссоздается на уровне физического астрала...

Человек, замогильным голосом произносивший эти слова, стоял на плохо освещенной сцене и правой рукой выписывал в воздухе хитрые пируэты. В небольшом конференц-зале гостиницы «Космос» собралось с полсотни женщин, которые, чуть дыша, ловили каждое слово оратора, не понимая ровным счетом ничего из сказанного. Но это было и неважно. Вера в чудо, в последнюю надежду была сильнее здравого смысла.

– Вы взываете к Абсолюту, сливаетесь с ним, словно... как его?.. Брахман и Атман... и сейчас, когда кванторы будущего и прошлого всей земли соединяются в одной точке, образуется своеобразный... этот самый... темпоральный конгломерат фотонных впадин антиреальности... Я оживляю ваших детей, погибших в Беслане... Напрягите все свои силы, проявите все уровни ваших аур и чакр... Только все вместе мы можем...

трансформировать информацию в... это самое... в сгусток физической энергии... А в чем, собственно, дело?

Последние слова оратора были обращены уже не в зал, а к появившимся на сцене людям в милицейской форме.

– Майор Свистунов, Управление по борьбе с организованной преступностью, – сухо отрекомендовался один из них, тыча в лицо оратору бордовое удостоверение. – Гражданин Грабовой, пройдемте с нами!

Затем негромко добавил:

– Прокуратурой наконец-то выдан ордер на твой арест, ублюдок.

Грабовой попытался было что-то возразить, но на сцене, будто по волшебству, появились люди в камуфляже с резиновыми дубинками в руках.

То, что происходило далее на сцене зала, никто из зрителей не видел и не слышал. Глубокий транс, в который они были погружены, сделал свое дело. Поэтому появившаяся на следующий день в печати информация о том, что «арест знаменитого мошенника и гипнотизера Григория Грабового происходил без эксцессов и свидетелей» являлась чистейшей правдой.

В это же время военные спутники-разведчики практически всех стран мира обнаружили мощный выплеск энергии неизвестного происхождения

в открытый космос. Эпицентр данного выплеска был зафиксирован как раз в районе гостиницы «Космос». Был ли этот «энергетический взрыв» инициирован матерями Беслана или нет – никто так выяснить и не смог. По крайней мере, связь между космическим катаклизмом и аномальными явлениями, начавшимися на следующий день в Москве, официально так и не была подтверждена.

* * *

...В кабинете начальника столичного Управления по борьбе с организованной преступностью после плановой «летучки» остались двое: непосредственно начальник генерал-лейтенант Глыба и его заместитель полковник Костноязыков.

– Тут такое дело, – мрачным полушепотом заговорил полковник. – Короче, в Москве за последние две недели резко подскочил уровень бытовых психозов. Не знаю, связано ли это с деятельностью Грабового, но случаи массовых помешательств стали наблюдаться сразу после его ареста. И это бесспорный факт наших логических соображений.

– Да... Засрала, видать, мозги народу эта мразь, – многозначительно и задумчиво произнес генерал. – А что за помешательства, все себя Наполеонами возомнили?

– Да если бы только Наполеонами. Тут Сократы со Спинозами плодятся как кошки. Смотришь, там – новоиспеченный Гегель объявился, сям – Фейербах по Тверской бродит в обнимку с Марксом.

– То есть они себя иностранцами мнят? – насторожился генерал.

– Иностранцами – полбеды. Они себя философами называют. Вроде как мудрецы, по-нашенски. То бишь шибко умные.

Генерал задумался:

– Говоришь, умными себя считают... Да... Значит, точно с ума спятили. Умные – да еще в массовом масштабе! Это же кошмар! И куда только страна катится... Ну а кого-нибудь уже взяли?

– В том-то и суть, – здесь полковник сделал печальные глаза, – есть еще пробелы в нашем законодательстве. Нет статьи, чтоб за такую гадость привлекать. У нас же демократия. Любая сволочь теперь имеет право объявить себя шибко умной.

– Но не в массовом же масштабе! – возмущенно воскликнул начальник управления. – Ну а за этого, – кивнул он в сторону висящего на стене портрета Путина, – за него еще себя никто не выдавал?

– Нет, слава богу.

Оба облегченно вздохнули. Генерал вытер выступившую на лбу испарину, подошел к портрету,

троекратно перекрестился и нежно поцеловал картину.

– Но в целом те, кто считает себя русским, повели себя на редкость разумно и организованно. Можно сказать, от своих умников нам удалось избавиться.

– Вот как? Надеюсь, все чисто провернули, – понизил голос генерал.

– Да и проворачивать ничего не пришлось. Они сами собрались, поговорили меж собой и потребовали политического убежища в Польше. Причем настаивали, чтобы доставили их туда непременно пароходом по маршруту «Петербург – Щецин». Ну, как говорится, баба с возу – больше кислороду. Польша, как ни странно, сразу добро дала... Вот идиоты!

– Ну ладно, – продолжал рассуждать генерал. – Арестовать мы их не можем, ну а по психушкам распихать не получится?

– По закону, который у нас, как я уже говорил, весьма несовершенен, на принудительное лечение мы только буйных дебилов можем отправлять. А эти мрази, как назло, почти все тихие. Дебилы! В смысле, «философы». Пока одного только отловили – четвертого числа. Называл себя то ли Ницше, то ли гейша, то ли Пельше.

– Латыш, что ли?

– Да хрен его знает. Может – латыш, может – талыш. Пьяный трезвого не слаще.

– Не понял... Что?

– Я говорю: хрен редьку не разумеет. Только взяли его возле Елоховского собора, когда он кричал: «Бог умер! Бог умер!» и при этом неистово крестился. Тут уж сами прихожане возмутились и нас вызвали.

– И где он содержится?

– Отвезли в клинику доктора Фрейда...

Глава II. Существование предшествует сущности

У Георга Вильгельма Фридриха Гегеля московская судьба сложилась удивительно гладко. Очнулся он в общей палате травматологического отделения городской больницы № 70 с многочисленными переломами основания черепа. В больницу поступил без документов, денег и ценных вещей. На упорный вопрос лечащего врача: «И где это тебя, голубчик, так угораздило?» честно отвечал: «Не помню».

С выпиской из больницы Гегелю повезло еще больше. Его не сдали в милицию, на учет в психоневрологический диспансер также не поставили. После лечения его попросту вывели за ворота, где и оставили с медицинской картой в руках. С нею он и пошел в ближайшее отделение милиции.

Гегель хоть и был философом, но быстро сообразил, что быть бомжом в Москве с такой фамилией нельзя, ни за что не поверят. Поэтому, недолго думая, он представился участковому как Георгий Вениаминович Фридкин и сообщил, что страдает на старости лет прогрессирующим маразмом, а после последнего нападения на него хулиганов еще и ретроградной амнезией. А посему

никаких фактов последних лет своей жизни не помнит.

Как ни странно, ему поверили и даже выписали временную справку, удостоверяющую личность. С этой справкой Гегель без особых усилий зарегистрировался на бирже труда и даже начал получать скромное пособие по безработице. Оставалось решить самый главный вопрос – ночлега. Но и здесь мир оказался не без добрых людей. Гегеля неофициально пригласили работать ночным сторожем на одной из автомобильных стоянок района Перово. Вообще его с удовольствием принимали на любую черную работу на правах гастарбайтера. Платили мало, но регулярно.

Утром Гегелю необходимо было обегать несколько подъездов, чтобы разложить по почтовым ящикам рекламные объявления и бесплатные газеты. После этого он шел на бензоколонку, где на пару с негром по прозвищу Пушкин заливал в машины бензин и чистил стекла иномарок. Это была наиболее прибыльная статья его доходов, потому что каждый пятый водитель хоть что-то давал на чай бывшему ректору Берлинского университета. К вечеру необходимо было вернуться к подъездам, чтобы собрать на лестничных клетках и выбросить на помойку рекламные объявления, положенные утром в почтовые ящики. Затем Гегель шел на автостоянку и принимал ночную вахту.

Сторожевая будка была прекрасно оснащена: в ней имелись небольшой лежак, стул, маленький столик, настольная лампа, электрообогреватель и кипятильник для воды. Что еще нужно философу? Гегель любил одиночество. Долгими ночами он просиживал в своей сторожевой будке, читая выброшенные кем-то газеты и журналы, пил чай, предавался воспоминаниям. Вспоминал он, по большей части, свою жену Марию и любимых сыновей Карла, Фишера и Эммануэля. Здесь, на периферии Москвы, Гегель не раз думал об Алексее Хомякове, с которым когда-то в Германии вел многочасовые захватывающие беседы. Сидя в своей конуре, немецкий мыслитель надеялся, что настанет день, когда он сможет поделиться своими идеями с нынешним поколением русских интеллигентов...

Глава III. Психоанализ и сублимация

Зигмунд Фрейд прекрасно понимал, что его фантастическое воскрешение – вряд ли единичный случай. Он понимал и другое: если ему подобные фантомы будут появляться на улицах Москвы, то, скорее всего, их сочтут за ненормальных. А из этого следовало только одно: надо было срочно организовывать специализированную клинику под собственным руководством. Опыта в этом деле у Фрейда было хоть отбавляй, и он быстро взялся за дело.

Помещение он арендовал в Южном Бутово, поскольку арендная плата там была сравнительно невысокой; каким-то образом получил кредит в банке и вскоре открыл свое индивидуальное предприятие. Новоиспеченная психоаналитическая клиника для душевнобольных была зарегистрирована во всех необходимых инстанциях, и Фрейд начал ждать пациентов. Ждать пришлось недолго.

Первый пациент обрадовал доктора. Им оказался Фридрих Ницше, к которому у Фрейда заочно было много претензий. Поэтому Фрейд не стал откладывать первый сеанс психотерапии

в долгий ящик и попросил немедленно пригласить пациента в кабинет.

– Здравствуйте, я доктор Фрейд, – представился он Фридриху Ницше. – Вы направлены ко мне для прохождения курса психотерапии.

– Вы считаете меня сумасшедшим? – вяло отреагировал Ницше. – По мне, так это мир с ума спятил.

– Типичное утверждение человека с нарушенной психикой! – обрадовался Фрейд. – Но сейчас не об этом. Вначале я расскажу, как будет протекать процесс вашего лечения. Хочу заметить, что у меня собственная оригинальная методика. И для эффективного результата я должен сказать пару слов о своем методе.

Фрейд развалился в кресле, закурил сигару и, не торопясь, начал:

– Дело в том, что психические силы человека проявляются на трех уровнях: «Оно», «Я» и «Сверх-Я».

Ницше широко зевнул и сказал коллеге:

– А можно без долгих предисловий? Без вот этого: «Я», «не-Я»... Я читал ваши труды. Не могу сказать, что я в восторге от них, но в чем-то мы с вами солидарны.

– Например?

– Ну, например, в том, что в основе природы человека лежит его животная, звериная сущность.

Проблема в том, что эту звериную сущность мы истолковываем по-разному. Для вас он неизменна и порочна, а потому подлежит сублимации. А для меня она – изменчива и прекрасна.

– Прекрасна? – удивился Фрейд. – Животный мир основан на самых низменных инстинктах, среди которых наиважнейший – половой инстинкт, а также инстинкты насилия и страха. Вы хоть понимаете, если бы все кому не лень начали бы вдруг реализовывать свои инстинкты, все бы были маньяками, насильниками и шизофрениками...

– Это вы по себе судите? – поинтересовался Ницше и снова широко зевнул.

Но Фрейд сделал вид, что не заметил реплики.

– Если бы не внутренний цензор человека – совесть, мы бы давно погрузились в мир хаоса... Слава богу, что со временем совесть стала автоматически контролировать инстинкты человека...

– То есть, по-вашему, совесть не имеет нравственного смысла? – удивился Ницше.

– Никакого. Но речь не об этом. В человеке, таким образом, формируются как бы два полюса, непримиримых по своей сути и находящихся в вечной борьбе, – полюс животности и полюс социальности. В этой борьбе и формируется собственно человеческое «Я», человек.

– Вам не кажется, что ваш «человек» несколько напоминает похотливого павиана с компьютером вместо головы?

– А так и есть. Но хотя совесть и способна подавлять или ограничивать наши инстинкты, это не снимает проблему. Инстинкты можно подавить, но их нельзя уничтожить. Энергия инстинктов, которая копится в человеке, требует выхода. Если вовремя не обеспечить ее должную реализацию, то может создаться переизбыток бессознательных идей, который рано или поздно приведет к психической болезни, провоцируя различного рода психозы и неврозы. Наиболее оптимальным выходом из создавшейся ситуации может служить процесс сублимации, то есть выплеск бессознательной энергии человека в области социально и культурно значимого.

– Ух ты! – искренне восхитился Ницше. – Вы своей сублимацией двух зайцев убиваете: с одной стороны, найдена панацея от психических болезней, а с другой – открыта тайна создания духовных ценностей. Выходит, вся мировая культура есть сублимационная реализация энергии животных инстинктов?

– Точно!

– То есть, к примеру, если я хочу кому-то морду набить, но совесть мне не позволяет, я сажусь за рояль и пишу симфонию? Хочу изна-

силовать девушку, а в итоге рисую гениальную картину?

– В общих чертах вы уловили суть, – удовлетворенно произнес Фрейд. – Поэтому коротко о самом лечении. Поскольку бессознательные пласты человеческой психики являются источником ненормального поведения и нервных расстройств, то их необходимо переносить на уровень осознанного. Следовательно, практические действия врача-психиатра должны сводиться к тому, чтобы объяснить пациенту его собственную болезнь, к talking cure.

– Лечение болтовней, – перевел Ницше. – А как же искусство, религия, любовь, творчество, культура? Все это можно определить как результат сублимации животных инстинктов, как специфический способ реализации невротических комплексов?

– Конечно! Если враждебная действительности личность обладает художественным дарованием, ее фантазии могут выражаться не в симптомах болезни, а в создании художественных произведений, что позволяет избегнуть невроза.

– Ну а Прекрасное...

– Является производным от области сексуальных ощущений. Ведь «прекрасное» и «возбуждающее» суть изначальные свойства сексуального объекта.

– Бедный, бедный Зигмунд Фрейд! – воскликнул в сердцах Фридрих Ницше. – Неужели вы никогда не ощущали на себе бездонной чистоты и волшебной силы музыки? Неужели вам никогда не доводилось, слушая симфонические поэмы Чайковского или пассионы Баха, приблизиться к некоему высшему миру? Неужели вы никогда не чувствовали, как окружающая нас объективная данность становится призрачной, как реальный мир растворяется и почти полностью исчезает прямо пропорционально вашему погружению в мир звуков и гармоний? И как, в конце концов, не остается ничего: ни партитуры, ни оркестра, ни исполнителей с их инструментами, ни концертного зала, ни Чайковского или Баха. Есть лишь музыка и мое Я – чистый субъект восприятия, которые столь тесно переплетаются, что кажутся невозможными друг без друга...

Фрейд сделал несколько пометок в своем блокноте и вместо ответа констатировал:

– Полная потеря связи с реальностью. Да... Оказывается, ваши дела обстоят значительно хуже, чем я предполагал.

– А любовь, по-вашему, это только половой инстинкт? – никак не мог угомониться Ницше.

– Почему ж? Не только.

В этом «не только» Ницше узрел долгожданный проблеск надежды. Но, как оказалось, зря.

– Не только. Она, конечно, во всех своих проявлениях суть половой инстинкт, но этот инстинкт может быть сдобрен различными психофизиологическими комплексами – гомосексуальным, лесбийским, садистским, мазохистским, некрофильным, эдиповым, педофильным...

– Ну а религия, с вашей позиции, это что?

– А вам на что это? Вы же и сами в Бога не верите.

– Я не верю по личной причине. Если бы Бог мог существовать на самом деле, я бы умер от одной мысли, что я не Бог.

Фрейд удовлетворенно кивнул и сделал еще несколько записей в свой блокнот.

– Хотите знать мое мнение о религии? Извольте. С одной стороны, она несет с собой постоянные ограничения, наподобие индивидуального навязчивого невроза, а с другой – содержит в себе целую систему иллюзий, продиктованных желанием и сопровождающихся отрицанием действительности, как мы это наблюдаем в изолированном виде только при аменции, блаженной галлюцинаторной спутанности мыслей.

Фрейд гордо и вызывающе посмотрел на Ницше.

– Вы хотите сказать, что ваш метод апробирован? – недоверчиво спросил тот.

– Апробирован?! Да моим методом лечат добрую половину земного шара!

– Очень добрую половину?

– Понимаю вашу иронию, – стиснув зубы, произнес Фрейд. – Но моя теория принята не только в качестве психотерапевтической методики, но и в качестве самого популярного мировоззрения и стиля жизни. После Второй мировой войны психоанализ стал, по выражению Жан-Поля Сартра, «новой религией» США!

– А старая там вообще была?

– Не перебивайте! Между прочим, сейчас каждый уважающий себя обыватель предпочитает иметь не только семейного врача и юриста, но и личного психоаналитика.

– Ну, тогда точно: мир сошел с ума... – вздохнул Ницше. – И от чего же вы меня лечить собираетесь?

– Список большой, не скрою. – Фрейд достал историю болезни и начал отрывочно зачитывать: – Фаллический комплекс, выраженный в уничижительном отношении к женщинам... Комплекс Наполеона или «сверхчеловека», который, между прочим, послужил основой для идеологии фашизма...

– Простите, а фашизм – тоже я? – поинтересовался Ницше.

– Далее, – продолжал Фрейд, делая вид, что не слышит собеседника. – Мания величия... Сейчас, где-то тут было... Ага! Нашел: «Почему

я так мудр» и «Почему я пишу такие прекрасные книги». Это что – ирония? Больная, я вам скажу, ирония! А идея «вечного возвращения» – что еще за бред?

– Если б это было бредом, мы бы с вами здесь не сидели.

– Ну, хорошо, хорошо, – Фрейд примирительно вскинул руки вверх, – не стоит воспринимать меня как врага. Я всего лишь хочу вам помочь. Давайте я вам покажу свою клинику, и, уверяю вас, вы перестанете относиться ко мне столь враждебно. Давайте немного прогуляемся.

Оказавшись в коридоре, Фрейд начал свою экскурсию:

– Тут у нас пищевой блок, здесь охрана, там – медицинский пост... Но это вам, наверно, не интересно. Ага! А вот и палаты.

Зигмунд Фрейд начал гордо перечислять своих пациентов:

– Здесь лечится Мартин Хайдеггер. Но он особых проблем для нас не создает. Тихий пациент. В соседней палате – Диоген. Тоже особо не буянит. Правда, грязи от него много. Палату дезинфицируем два-три раза в сутки. Но в целом тоже ничего интересного. А вот здесь, – Фрейд подошел к следующей двери, – предмет моей особой гордости, Эпикур. Никогда не угадаешь,

что он выкинет! Правда, бюджет на него уходит немереный. Ну и пусть, я же, в конце концов, не из своего кармана плачу.

Фрейд открыл окошко в двери, взглянул внутрь и тут же захлопнул окошко:

– Что за черт! – растерянно посмотрел он на Ницше. – Охрана! Где охрана?

Откуда-то из глубины коридо показалась фигура молодого парня в камуфляже.

– Эй, как там тебя... – обратился к нему Фрейд?

– Сеня, – ответил молодой человек.

– Ну да, Сеня. Что это такое? – Фрейд ткнул пальцем в окошко двери.

Охранник взглянул внутрь, затем посмотрел на Фрейда и вопросительно произнес:

– Ну?

– Что «ну»? Ты разве не видишь? Они там... Они же там... сношаются!

Охранник снова посмотрел в окошко, затем на Фрейда и снова спросил:

– Ну?

– Что ты разнукался! Кто позволил в клинику проституток приводить?

– Господь с вами, доктор, – возразил Сеня. – Какие же это проститутки? – он снова взглянул в окошко двери. – Вот та, которая сисястая, – наша новая медсестра. А вон та, рыженькая...

– Прекратить этот балаган немедленно! – перебил его Фрейд, – Развели здесь бордель, понимаешь ли!

Охранник ушел, а Фрейд, переведя дух, продолжил знакомить гостя с больными.

– Ну, это все рабочие моменты, – как бы оправдываясь перед Фридрихом, произнес он. – О! А это вы обязательно должны увидеть.

Фрейд подошел к следующей двери и открыл окошко:

– Лао-цзы, собственной персоной!

Ницше взглянул внутрь и рассмеялся.

– Что? – Фрейд побледнел. – Только не говорите, что его там нет.

– Но его там действительно нет, – пожал плечами Ницше.

Фрейд взглянул в окно и заорал:

– Охрана!

Вновь в коридоре появилась фигура молодого человека.

– Эй, как там тебя...

– Сеня, – подсказал Ницше.

– Да, Сеня! Сам знаю, что Сеня... Где пациент?

Сеня посмотрел в окошко и подтвердил:

– Там никого нет.

– Я сам вижу, что нет. И где же он?

– Утром был.

– Ты издеваешься надо мной? – взвизгнул Фрейд. – Немедленно найти!

– Я, доктор, вашим свихнувшимся пациентам не нянька. Вам надо – вы и ищите.

Сказав это, охранник удалился.

– Черт, что за день сегодня такой, – пробормотал под нос Фрейд. – Кстати, а вот и ваши апартаменты, – он открыл дверь в просторную палату и пригласил жестом туда Фридриха Ницше.

Ницше, демонстративно закинув руки за спину, вошел в комнату и сел на койку:

– Разберитесь с дисциплиной в своем учреждении, – сказал он, – это мой вам совет.

– Разберусь, разберусь. И с Заратустрой вашим тоже разберусь!

– В таком случае, я здесь надолго, – хихикнул Ницше.

Легкомысленный настрой пациента почему-то очень не понравился доктору Фрейду, и он мрачно заметил:

– А мы и не спешим.

Глава IV. Медицина и этика

В приемной руководителя Росздравнадзора сидел тучный мужчина средних лет с длинными рыжими волосами и с внушительной папкой в руках. Это был Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, более известный в народе под именем Парацельса. Он уже несколько часов смиренно ожидал приема у главного человека в стране по лицензированию фармацевтических препаратов.

Когда молоденькая секретарша дала понять, что начальник готов принять, Парацельс встал со стула, снял с головы красный берет и вошел в просторный кабинет.

– Здравствуйте! Теофраст Парацельс, – отрекомендовался алхимик.

– Очень приятно. Алексей Михайлович Лялькин, – в свою очередь представился глава Росздравнадзора и пожал Парацельсу руку. – Чем обязан?

– Я хотел бы получить лицензию на ряд разработанных мною вакцин, – перешел прямо к делу Парацельс. – Вся документация собрана, клинические исследования проведены.

Парацельс похлопал по толстой папке.

– Ну и что за препараты вы изобрели?

– Панацею, – гордо ответил медик. – Практически от всех болезней.

– Да ну? – не поверил Алексей Михайлович.

– Ну, может быть, не от всех, – смутился Парацельс. – Но главные физические недуги нашего времени исцеляет. И поверьте, весьма и весьма эффективно.

– Например?

– Например, СПИД, алкоголизм, онкологические заболевания.

– Да ну? – снова не поверил чиновник.

– По клиническим испытаниям, проведенным в Боткинской больнице на безнадежных больных, у ста алкоголиков, страдающих циррозом печени, исцеление наблюдалось в ста случаях. Аналогичные результаты получены и по больным СПИДом и раком в последних стадиях. При этом, – Парацельс глубокомысленно поднял указательный палец, – вакцина удивительно проста в изготовлении и потому необычайно экономична.

Лялькин устало улыбнулся:

– Ну, давайте посмотрим бумаги.

Глава Росздравнадзора раскрыл пухлую папку и погрузился в чтение. По мере изучения материалов выражение лица чиновника медленно менялось. Улыбка сошла с его уст, взгляд стал тяжелым и напряженным.

После получаса изучения документов Лялькин снял пиджак, затем расстегнул ворот рубашки и приспустил галстук.

Несколькими минутами позже он уже судорожно вытирал носовым платком выступившую на лбу обильную испарину.

Парацельс ждал. В кабинете было тихо, и только стук секундной стрелки на настенных часах напоминал ученому о движении времени.

Наконец, изучив последние листы, Лялькин, бледный как покойник, дрожащими руками налил воды из графина и, клацая вставными зубами по граненому стакану, выпил. Затем он закрыл папку и уставился в одну точку.

Так он сидел около получаса, пока Парацельс наконец не нарушил гнетущую тишину:

– С вами все в порядке?

– Что?.. – рассеянно переспросил Лялькин.

– Может, еще водички? – Парацельс чувствовал, что его трактат произвел на чиновника должное впечатление.

– Послушайте, – медленно начал Алексей Михайлович. – Господин...

– Парацельс, Парацельс.

– Ну да. Парацельс. Наверное, все это работает... Если верить бумагам, то вы действительно изобрели панацею от главных недугов человечества. Возможно, вы гений...

Слово «возможно» Парацельсу не понравилось, и он насторожился.

– Но тем более, – продолжал Лялькин, постепенно приходя в себя, – тем более мы не можем лицензировать ваш препарат. На вашем месте я бы поскорее забыл о вакцине и о факте нашей встречи. Вы погубите меня, себя, а заодно и все человечество.

Здесь пришла очередь удивиться Парацельсу:

– Что за чушь?

– Успокойтесь и постарайтесь не перебивать, – очень серьезно произнес Лялькин. – Вы умный человек и должны понимать, что в мире сложился определенный баланс сил. Люди рождаются, люди умирают, а экономика живет своей собственной жизнью.

– При чем здесь экономика, – недоуменно пожал плечами Парацельс. – Я людей спасать собираюсь.

– Да бросьте вы эту демагогию, – начал раздражаться Лялькин. – Ну, представьте себе, предположим, запустим мы в производство вашу вакцину. Станут ее покупать. Причем все кому не лень. Опять-таки, заметьте, если она столь целебна и столь доступна по цене, это означает, что люди будут отказываться от фармацевтической продукции других компаний, услуг больниц и частных клиник. Ну кто, скажите на милость,

вам позволит разорять лекарственный рынок в стране, а может быть, и во всем мире? Кто допустит крах системы медицинского страхования? Я понимаю, что она не работает, но деньги там огромные крутятся. А вы предлагаете все это послать к чертовой бабушке.

– Абсурд какой-то, – пробормотал Парацельс.

– Нет, батенька, это вы абсурд предлагаете. Алкоголиков он решил лечить! Да кто вам позволит? Ведь кто-то, в конце концов, должен выпивать цистерны всей этой дряни! Поймите, государству экономически выгодно иметь пьющую нацию. Водка и лекарства – чуть ли не основные статьи дохода бюджета нашей страны. Наше государство – это фирма «Ферейн», только в гораздо более крупном масштабе. Сначала Брынцалов получает доход от продажи водки, а когда люди спиваются, получает доход от продажи таблеток, которые якобы должны помочь им вылечиться.

– Какая-то пакостная арифметика у вас получается, – не выдержал Парацельс.

– Да ладно вам фарисействовать, – поморщился Лялькин, – вы учтите, ко всему прочему, вы ведь своей вакциной увеличите продолжительность жизни.

– Но разве не об этом испокон веков мечтало человечество?!

– Я про человечество ничего не знаю, – сурово обрубил Лялькин, – но высокая продолжительность жизни нам тоже ни к чему. Надо мыслить шире, масштабнее. Мыслить по-государственному. Ну перестанут наши сограждане болеть раком, СПИДом, циррозом печени. Это что значит?

– Что? – испуганно переспросил Парацельс.

– Это значит, что будет демографическая катастрофа. Невиданный прирост населения за счет стариков и старух. То есть за счет пенсионеров. Заметьте: не за счет трудовых рук, не за счет пушечного мяса, а за счет никому не нужных дармоедов. И я вас спрашиваю: кто будет кормить всю эту армию тунеядцев и нахлебников? Не вы ли?

Парацельс не знал что ответить.

– Вот, – удовлетворенно протянул руководитель Росздравнадзора. – И это только экономические причины. А о политике и говорить страшно. Вы представляете себе, что такое непьющая, да еще и здоровая Россия? Это ж в кошмарном сне не приснится. Нет, коллега, пока народ пьет и жрет таблетки, мы за него спокойны. А что трезвому и здоровому мужику в голову прийти может, даже подумать страшно...

– Другое дело, – вдруг вполголоса заговорил Алексей Михайлович, – если бы эти ваши разработки использовать не для всех, а, так сказать,

для избранных. Ну, не знаю, например, для президента и его окружения, для полезных государственных деятелей...

– Вы что, Господь Бог, чтобы решать, кому жить, а кому умирать? – возмутился Парацельс.

Алексей Михайлович снисходительно махнул рукой:

– Поверьте, чтобы решать такие вещи, не обязательно быть Господом Богом. И не такое решали и не в таких масштабах. И разрешения до сих пор не спрашивали.

– Оно и заметно, – мрачно подтвердил Парацельс.

– По-хорошему, надо бы с органами посоветоваться...

Алексей Михайлович положил руку на телефонный аппарат, но затем, видимо, почему-то передумал звонить.

– Ах ты, черт! В какое идиотское положение вы меня поставили со своей вакциной! Ну позвоню я, куда надо, и что? Хорошо, если не поверят и сочтут за сумасшедшего. А если не сочтут? Хлопнут меня вместе с вами, как лишнего свидетеля... И откуда вы только на мою голову свалились?

Лялькин нервно забарабанил пальцами по столу. Наконец он быстро и сбивчиво заговорил:

– Я вижу, вы честный и порядочный человек. И надеюсь, умный. Не губите себя и меня!

Не говорите никому о нашем разговоре, уничтожьте все документы, рукописи и записи. Главное, уничтожьте вакцину. Причем так, чтобы никто никогда и ни при каких обстоятельствах ее не мог восстановить. Это в ваших интересах. Если себя не жалко, сделайте это ради человечества, не дайте ему погибнуть. Умоляю вас! И главное: вы у меня не были, я вас не видел. Забудьте обо всем этом, как о страшном сне. Договорились? Это был сон. Просто сон, и все...

Парацельс вышел из здания Росздравнадзора. В затылке стучало, сердце нервно дергалось, в глазах стоял туман. Он погладил пухлую папку, поцеловал ее и бережно положил в ближайшую урну. Медленным шагом он вышел на Славянскую площадь и начал решать новую проблему: куда пойти сначала – в аптеку или в рюмочную?

Глава V. Пространственно-временной континуум

– Кого на этот раз? – устало спросил дежурный отделения милиции «Арбат», глядя на конвоируемого старика с лохматой, нечесаной шевелюрой.

– Очередной бомж, – ответил оперативник. – То ли пьяный, то ли еще один олигофрен. Пытался разломать на Арбате рекламный щит детских подгузников. И чем он ему помешал?

– Чем тебе щит-то не потрафил, чмо вонючее? – беззлобно поинтересовался дежурный у лохматого старика.

– Там было написано: «Эйнштейн рекомендует Йо-Йо!».

– Ну а тебе-то какое собачье дело?

– Я не знаю, что такое это ваше «ё-ё». И уж тем более никогда никому его не рекомендовал.

– Ясно, – вздохнул дежурный и обратился к оперативнику: – Сажай-ка его в обезьянник. Там уже сидит один сумасшедший узбек.

Когда засовы КПЗ были закрыты, Альберт Эйнштейн огляделся по сторонам. В углу сидел вполне упитанный лысый человек с редкой седой бородкой и отрешенно смотрел куда-то вдаль.

– Эйнштейн, – тихо представился новоиспеченный постоялец.

– Очень приятно, – ответил «сумасшедший узбек». – Меня зовут Лао-цзы.

– Ага! – донесся голос дежурного. – Лао-цзы! Он же Ли Боян, он же Учитель Лао, он же Лао Дань, он же Ли Эр. Слыхали уже!

В КПЗ воцарилась тишина. Первым ее нарушил Лао-цзы:

– Польщен знакомством. Много о вас наслышан. Хотя, честно говоря, далеко не все понимаю в ваших опусах. К примеру, как может время иметь физическое выражение? Да и что такое «время»? Вы знаете, в таких местах невольно начинаешь задумываться о времени.

– Время... – Эйнштейн еще не оправился от потрясения, вызванного рекламой йо-йо, и выглядел рассеянным. – Время – это то, что показывают часы.

– То есть вы утверждаете, что время появилось одновременно с изобретением часов? – улыбнулся китайский мудрец.

– Простите... Просто все как-то навалилось разом: Россия, Арбат, подгузники, эти идиоты в форме, время, черт бы его взял... Вы что, хотите, чтобы я вам теорию относительности в двух словах изложил? Так это невозможно. И вообще, что вы пристали ко мне с вашим временем? Вы что, антисемит?

Лао-цзы удивился, но последний вопрос великого физика игнорировал и удовлетворенно покачал головой:

– Воистину, кто знает, тот не говорит, говорит тот, кто не знает.

– Я что-то не пойму, вы хотите обвинить меня в невежестве? Вы хотите сказать, что я сам не знаю, о чем говорю?

– В незнании нет ничего предосудительного, – ответил Лао. – А знание не всегда есть благо. Люди слишком часто обрекают себя на страдания, пытаясь найти истину там, где ее искать не стоит.

– Что вы хотите сказать? – не понял Эйнштейн.

– Вы не против, если я поведаю вам одну древнюю притчу?

Эйнштейн тяжело вздохнул и после недолгих раздумий согласился:

– Валяйте... Все равно время как-то убивать надо.

Последние слова Эйнштейна заставили Лао-цзы усмехнуться. Выдержав небольшую паузу, он начал свое повествование:

– Влюбилась как-то лиса в крестьянина...

– О господи! – взмолился Эйнштейн. – Опять эти ваши лисы и крестьяне! Неужели за три тысячи лет вы не сумели придумать ничего нового?

– М-м-м... Хорошо, давайте так. Влюбилась одна банкирша в своего менеджера...

– Вот! Другое дело.

– Итак, влюбилась одна банкирша в своего менеджера, ну, в офисного планктона, и давай объясняться ему в любви. А менеджер попался на редкость совестливый и порядочный. Говорит, дескать, жена у меня есть, не могу ее бросить, венчался с ней в православной церкви. «Дурак ты, – говорит банкирша. – Жена у тебя злая да сварливая, жадная и к тому же сильно пьющая, не любит тебя и давно извести хочет. Да и женился ты на ней по залету. Но и тут она тебя обманула: как не было у вас детей, так и нет». «Что ж, – отвечал менеджер, – такая моя судьба». На том разговор и закончился... Но банкирша не успокоилась. Пришла она к жене своего возлюбленного и предложила большие деньги, домик на Майами и новый паспорт. Жадная жена взяла да и согласилась. А тем временем банкирша легла на пластическую операцию и сделала себе новое лицо. Превратилась она в прекрасную девушку, похожую на жену менеджера, как, бывает, похожа красивая дочь на уродливую мать.

Приходит однажды менеджер домой, а его у порога с поклоном встречает молодая жена. Вошел в дом, а там все прибрано, пылинки не найти, повсюду новая мебель, посуда, у крыльца новый

джип стоит, в сейфе денег видимо-невидимо. Удивился офисный планктон, обрадовался, но виду не подал. Сытно поужинал и лег спать с молодой женой. Так в довольстве и неге прожили они год, но однажды дождливой осенней ночью пришел в их квартиру друг менеджера – сотрудник следственного комитета. Выпили они водки, разговорились. Друг спросил: «Знаешь ли ты, с кем делишь пищу, кров и постель? Я тут справки навел на твою жену. Не та она, за кого себя выдает. Ты хоть знаешь, кто она на самом деле?» Улыбнулся менеджер и говорит: «А станет ли мне от этого знания лучше жить?» Задумался сотрудник следственного комитета, покачал головой и, ничего не сказав, пошел своей дорогой.

– Прямо готовый сценарий... Сами сочинили? – спросил Эйнштейн.

– Нет. Это известная китайская притча.

– Ну и? В чем здесь мораль?

– Мораль в том, что истина не может быть индифферентна к морали. Выбирая знание, вы должны быть готовы пожертвовать спокойствием, которое давало вам неведение. Вы хотели узнать, что такое время, – будьте готовы к великому разочарованию.

– А что вас, собственно говоря, смущает?

– Нельзя математически рассчитать то, чего в природе не существует.

– Что вы от меня-то хотите? – Эйнштейн снова чрезвычайно возбудился. – Вы вопросы задаете не по адресу, не я всю эту кашу заварил. Спросите Лоренца, Пуанкаре, Минковского. Обратитесь к Галилею, в конце концов! Лично я им полностью доверяю.

– А зря... Для создателя теории относительности подобное доверие чревато нападками со стороны недоброжелателей и критиков.

– Любой мало-мальски грамотный физик знает, что мой вклад в теорию относительности достаточно скромен. Ведь я лишь обобщил то, что было до меня.

– Но человечество считает иначе, по крайней мере западноевропейская его часть. Человечество именно вас считает ее создателем. Более того, вы символ человеческого интеллекта XX века. И, насколько я понимаю, вы совсем не возражаете против столь громких эпитетов?

– Ничуть, – довольно ухмыльнулся Эйнштейн. – Я не люблю разочаровывать людей. Хотят так считать – пусть себе считают.

Лао-цзы удовлетворенно покачал головой.

– А что касается времени, то дело это очень сложное и запутанное, – резюмировал Эйнштейн в надежде, что теперь-то его наконец оставят в покое. Между тем Лао-цзы и не думал униматься:

– Запутанное, если предположить, что оно вообще существует. Все великие путаницы в мире возникают именно тогда, когда люди пытаются объяснить то, чего нет.

– Но позвольте, – возразил великий физик. – Разве мы не говорим «вчера», «сегодня», «завтра»? Прошлые события определяют настоящее, а будущее – всегда следствие нашего сегодня, не так ли?

– Элементарная причинно-следственная связь. Но при чем здесь время? Где ваше «вчера» и где ваше «завтра»? Лишь в вашем сознании. «Вчера» существует в вашей памяти и только; «завтра» – в вашем воображении. А без прошлого и будущего о каком «времени» может идти речь?

– Но мы с вами сидим здесь уже битый час! Этого-то вы не будете отрицать? – воскликнул вконец запутавшийся Эйнштейн.

– Буду, – невозмутимо продолжил Лао. – Мы с вами, извините, находимся здесь и сейчас, то есть в настоящее мгновение. А «битый час», как вы изволили выразиться, остался лишь в воспоминаниях. Где этот час? Предъявите мне его, дайте мне его увидеть, пощупать, понюхать. Был час – и вышел весь. А вы говорите – время. Это все слова, слова, голубчик. И еще умудряетесь это ваше «время» ускорять, замедлять, искривлять,

растягивать, словно презерватив. Туда-сюда, туда-сюда...

– По части времени – это не ко мне, это больше к Пуанкаре и Лоренцу, – рассеянно пробормотал Эйнштейн. – Но как же без времени жить?

– Туда-сюда, туда-сюда...

– Перестаньте уже!

– Как жить – да прекрасно! – воодушевленно воскликнул Лао-цзы. – Только представьте: вы живете здесь и сейчас, в едином неповторимом мгновении. В настоящем у вас нет проблем, потому что прошлого уже нет, а будущее никогда не наступит. Вы снимаете с себя тяготы гнетущих воспоминаний и бессмысленных опасений. Живите только настоящим, и вы поймете, что только так и возможно жить. В противном случае вы лишь страдаете в помыслах о жизни...

Эйнштейн суетливо огляделся по сторонам и злобно фыркнул:

– Что-то мне не нравится это мгновенье.

В камере в очередной раз воцарилась тишина.

– Так что же такое время, по-вашему?

– Я считаю, что время – это четвертое измерение пространства. А если быть более точным, то время – одно из четырех составляющих пространственно-временного континуума... В моей теории время и пространство тесно связаны друг с другом в четырехмерный

пространственно-временной континуум. Метрические свойства времени и пространства теряют свойство абсолютности, каким они были наделены в классической нерелятивистской физике. Вспомните Лобачевского!

Лао-цзы вспомнил Лобачевского, а Лобачевский, вероятно, в этот момент вспомнил Эйнштейна и Лао-цзы.

– Так вот, – продолжал Эйнштейн, – длительность любого временного интервала зависит от скорости движения относительно системы отсчета, в которой она измеряется. И чем ближе эта скорость к скорости света, тем больше время замедляется. Теперь вам ясно?

– Ясно, – добродушно ответил Лао, – то есть время непостоянно и субъективно?

– Непостоянно, но вполне объективно. Это физическая величина. Пространство – время – структурное свойство гравитационного поля.

– Вот как!

Лао-Цзы задумался и после минуты молчания переспросил:

– Так что такое время, по-вашему?

Эйнштейн пристально посмотрел на собеседника, как бы пытаясь угадать, издевается он или же и вправду не понимает вещей, известных сегодня любому школьнику. В глазах китайского философа Эйнштейн не нашел признаков издевательства и потому решил, что релевантная физика, по-видимому, слишком сложна для него.

– Время – это мера длительности событий.

– Угу, – поддакнул Лао-цзы, – а длительность – это протяженность во времени? Как ни крути, получается тавтология.

Эйнштейн хотел было возмутиться, но передумал и, изобразив на лице студенческое любопытство, поинтересовался:

– А что философы говорят про время?

Лао-цзы одобрительно кивнул и начал:

– Видите ли, профессор, у философов нет единого понимания времени. Вы совершенно точно подметили непостоянство и относительность времени. Истинно революционное содержание вашей теории в том, что она отрицает объективный характер пространственно-временной системы координат. Теория относительности вплотную приблизилась к пониманию, что пространственные и временные координаты лишь элементы языка, которым пользуется наблюдатель, описывающий окружающую среду. Еще Будда учил, что прошлое, будущее, физическое пространство и личность – все это лишь имена, формы мышления, общеупотребительные слова, попросту искусственная, вымышленная действительность. Я монах и потому живу в духовном мире. А здесь не существует разграничения

времени на прошлое, настоящее и будущее: они сливаются в одном-единственном мгновении животрепещущего бытия... Этот момент озарения содержит в себе прошлое и будущее, но не стоит на месте со всем своим содержимым, а находится в непрестанном движении... Так что такое время, по-вашему?

На этот раз Эйнштейн не выдержал:

– Вы антисемит?

– Боже упаси! – воскликнул Лао-цзы. – Поверьте, будь вы ортодоксальным иудеем, разногласий у нас было бы меньше. Проблема в том, что вы – европеец, а я – азиат.

– Европеец, азиат... Какая разница! Неужели вы не понимаете, что «дважды два – четыре» действует во всех культурах и во все времена?

– Если бы все было бы так просто, как «дважды два – четыре», то и спорить было бы не о чем... Ладно. Забудем о течении времени; забудем о противостоянии суждений. Обратимся к бесконечности и займем свое место в ней...

– Я физик, – начал Эйнштейн. – Я вижу только то, что вижу. Сейчас я вижу, что сижу в вонючей камере и часы моей жизни – да-да, именно часы – проходят впустую. Поймите, я материалист, я рационалист, я, в конце концов, прагматик. Не верю я во все эти идеалистические бредни, в медитацию; я верю лишь в то, что можно доказать как

теорему. Если время можно включить в математические расчеты, следовательно, оно имеет физическое выражение. Точка. Может, вы и умеете жить одним мгновением, это ваше личное дело. Может, вы и сквозь стены проходить умеете, но я-то тут при чем?

Эйнштейн вызывающе посмотрел на Лао-цзы. Точнее, на то место, где он был секунду назад. Но в камере было пусто, если не считать грязной деревянной скамьи, тусклой лампочки под потолком и, конечно же, самого Альберта Эйнштейна.

Глава VI. Принцип недеяния

Прохаживаясь по арбатским переулкам, Лао-цзы предавался глубоким размышлениям о смысле и сущности бытия. Московская летняя ночь к этому явно располагала: стояла теплая безветренная погода, ночное небо было неправдоподобно ясным и светлым. И если бы не редкие прохожие да нарушавший ночную тишину шум, раздававшийся из многочисленных питейных заведений, можно было бы подумать, что великий китайский Мастер остался один на один с российской столицей.

«Странный народ эти европейцы, – думал он. – Все время спешат куда-то, суетятся, готовы мир вокруг себя перевернуть. Конечно, они не виноваты, что родились не в Поднебесной. Но быть до такой степени слепыми! Казалось бы, познай закон Великого Дао и следуй ему. Нет же! Надо все ломать, втискивать мир в какие-то искусственные формулы. И вот сейчас: почему я здесь? Никак без европейцев не обошлось. Суются куда не следует, играют с тонким миром. Ни себе, ни другим покоя не дают...»

Лао-цзы уперся в Гоголевский бульвар и зашагал по нему в сторону Пречистенки. «Пожалуй,

это один из лучших снов, которые я видел до Великого Пробуждения, – думал Учитель. – И раз я уже здесь, значит, так надо. Возможно, я чего-то не успел сделать раньше? Великий Принцип Недеяния говорит мне: “Покорись естественному ходу вещей и следуй Великому Пути”. Знать бы только, где искать Великий Путь, если естественный ход вещей оказался нарушен?» Где-то в середине Гоголевского бульвара взор Лао-цзы привлекла приоткрытая дверь ночного продуктового магазина, за которой мерцал слабый свет. Необъяснимое любопытство охватило китайского философа, и он заглянул внутрь. Зрелище, открывшееся ему, казалось одновременно жутким и прекрасным: в небольшом помещении за железным столом стоял мясник и разделывал огромную бычью тушу. Мастерство и легкость, с которыми мясник управлялся с тушей, заворожили Лао-цзы. Забыв о всяческих приличиях, он вошел внутрь и с неподдельным восторгом ребенка встал за спиной мясника.

– Вообще-то я вегетарианец, – как бы извиняясь, сказал мясник, заметив в подсобке присутствие постороннего.

– Да я, собственно говоря, тоже, – признался Лао-цзы. – Но как вам это удается? Наверное, надо много лет учиться и тренироваться, чтобы добиться столь высокого мастерства?

Мяснику явно было лестно слышать слова китайского философа.

– Да я и не мясник вовсе, – извиняющимся тоном ответил он. – Вообще-то я инженер. Физик-теоретик. Но наш НИИ давно развалился, а детей и жену кормить надо. Вот и перешел на эту работу. Зато здесь я в день получаю больше, чем раньше получал в месяц.

Лао-цзы подумал: «Все-таки прав был великий Кун Фу-цзы: нет престижных профессий, а есть лишь мастера и дилетанты». Мясник тем временем продолжал:

– И работаю я здесь всего-то полгода. Просто у меня есть один принцип: не лезть на рожон. Не надо стремиться к тому, чтобы «мир прогнулся под нас», тогда и нам прогибаться под него не придется. Знаете, сколько поначалу я ножей поломал? А все потому, что пытался рубить тушу. Насмотрелся, как все рубят, и тоже рубить начал все подряд – кости, сухожилия, связки. При этом не успевал разрубить одну тушу, как полностью выбивался из сил. Тут-то я и понял, что делаю что-то не так. Подумал и попробовал сообразить, как анатомически устроена туша, то есть где, как, в каком направлении у быка проходят волокна. И теперь я смотрю на эти волокна и стараюсь, не повреждая их, просто отделять их друг от друга. Теперь туша рассыпается у меня, как ком земли.

С тех пор, как я это понял, мне даже нож точить не приходится. Он у меня никогда не тупится.

«Надо же, – подумал Лао-цзы, – а ведь он не просто следует принципу Недеяния, он еще и рецепт долголетия нашел!»

– Это еще и рецепт долголетия, – продолжал мясник, затаскивая на железный стол еще одну бычью тушу. – Не старайтесь лбом стену прошибить – и стена, и лоб целее будут. Знаете такую русскую поговорку?

– У нас говорится так: «Не делай ничего против закона Неба». Уверяю вас, в оригинале эта фраза звучит не так коряво и мудрено.

– Ну что вы, прекрасно звучит. Только, – мясник умоляюще посмотрел на Лао-цзы, – вообще-то тут запрещено посторонним находиться. Придет хозяин или еще кто – подумают, что я мясо налево толкаю.

Китайский философ вновь вышел на Гоголевский бульвар и, дойдя до конца, оказался перед храмом Христа Спасителя. Открывшийся вид поразил его, он оказался на пересечении времен. Белокаменные стены кафедрального собора, возведенного в лучших русско-византийских традициях, украшали бронзовые композиции с явным кавказским акцентом. Справа от храма виднелся доходный дом Перцова, выполненный в национально-романтических красках русского

модерна, с многочисленными балкончиками, ризалитами, эркерами и фасадами, декорированными живописной цветной майоликой. Подойдя поближе к Пречистенской набережной, Лао-цзы и вовсе почувствовал, что попал не иначе как в «ось времен». На другой стороне Москвы-реки стояли фабричные функциональные здания, а где-то вдалеке, подсвеченная прожекторами, виднелась высотка, выполненная в стиле сталинского ампира. Рукой подать было и до Кремля, в архитектуре которого соединились стили всех времен и народов.

Увиденное до такой степени потрясло Учителя Лао своей вневременной красотой, что сомнения относительно того, что он здесь находился неслучайно, отпали сами собой. Слеза умиления скользнула по щеке старика, и чувство необыкновенной важности происходящего охватило его.

«Боже! Что это?» – вертелось у него в голове.

– Боже! Что это? – услышал Лао-цзы у себя за спиной.

Обернувшись, Учитель увидел пятерых наголо бритых юношей.

– Что это за гнида к нам в Москву залетела? – от говорившего сильно разило водкой.

Наверное, не обязательно надо было быть Лао-цзы, да и вообще философом, чтобы понять: намерения у молодых людей совсем не дружелюбные.

– Кореец? – поинтересовался, видимо, главный из них.

– Китаец, – честно признался Лао.

– Тем хуже, – резонно подвел черту разговору молодой человек и достал из кармана кастет.

Лао-цзы мог в считаные секунды несколькими ударами кунг-фу успокоить всю эту компанию. Мог и просто исчезнуть. Но что-то подсказывало ему, что он должен не просто быть в данное время в данном месте, но и позволить произойти тому, что должно было произойти.

«Я здесь не случайно... Возможно, чего-то очень важного я не сделал в своей жизни... Во всем этом должен быть какой-то великий смысл...», – подумал он.

– Юноши! – обратился китайский мудрец к своим палачам. – Вы ошибочно принимаете жестокость за силу. Силен не тот, кто победил тысячу врагов, а тот, кто победил себя. Насилие и жестокость – признаки слабости и убожества, ибо воистину: сильный не нуждается в насилии.

Проповедь Учителя была прервана чудовищной силы ударом под дых. У Лао потемнело в глазах, и изо рта хлынула кровь.

– Простите себя и начните жизнь с чистого листа! В любом человеке живет два волка, грызущихся друг с другом. Их имена Добро и Зло. Поймите, побеждает лишь тот волк, которого вы

кормите... Жесткое и злое сопутствует смерти, а мягкое и доброе...

В этот момент откуда-то взявшаяся бейсбольная бита выбила бедному старику все передние зубы, лишив его, таким образом, возможности закончить мысль. Сзади что-то обрушилось на спину Учителя. Позвоночник хрустнул, и тело Учителя беспомощно распласталось на асфальте в луже крови. Лао-цзы уже не чувствовал боли.

Лежа на спине, он смотрел на удивительно яркое и чистое звездное небо, потянутое розовой поволокой:

«Настал момент Великого Пробуждения...» – это было последнее, о чем он успел подумать.

Наряд милиции, прибывший на место происшествия, тела пострадавшего не обнаружил и соответственно никакого состава преступления в происшедшем не усмотрел. Поэтому оперативники, отобрав у подвыпивших скинхедов все имеющиеся деньги, направились на другой объект.